

О.В. Шалыгина

«Пушки Эльзаса» – «узел душевных событий» А. Белого эпохи Первой мировой войны

Андрей Белый – русский писатель, встретивший Первую мировую войну в нейтральной Швейцарии, в непосредственной близости от полей сражений французской и немецкой армий, пережил начало войны как личную, духовную трагедию. В письме Иванову-Разумнику, датированном первой половиной августа (ст. ст.) 1914 г., Белый подробно и точно описывает место своего пребывания и рисует карту военных действий: «Вокруг нас война; всю предыдущую неделю мы жили в районе пушечных выстрелов: бой у Бельфора, Альткирхена, Мюльгаузена мы слышали; у нас дребезжали стекла от пушечных выстрелов; долина, где мы живем, в случае, если бы повернули на нас пушки в Германии или во Франции, оказалась бы под огнем; все эти дни...»¹

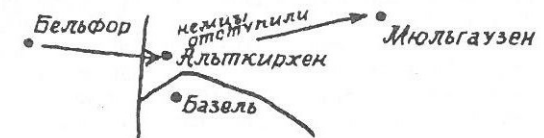
Свое нахождение в нейтральной Швейцарии во время войны Белый переживает как необходимость служения духу мира, созидания храма, объединяющего человечество для созидания культуры будущего. В письме Иванову-Разумнику 3(16) марта 1915 г. он пишет: «Отрезанность от России меня давит, и я уже начинаю хотеть, чтобы нас, ратников 2-го ополчения, поскорей призывали: но сам, своею волей не могу бросить дела, за которое мы с женой взялись: более чем когда-либо чувствую необходимость, прямо долг, отсиживаться при *Johannesbau*² именно сейчас, когда все живое и огромное отхлынуло либо на западный либо на восточный фронт, – именно теперь в качестве русского жить с немцами и англичанами и не отдаваться своим естественным чувствам и стремлениям, а строить *Vau* – этот знак “мира всего мира” – мне и кажется важным. Конечно, я не стал бы сидеть здесь, если бы чувствовалось, что час – наступил, что

Сначала ждали движения французов

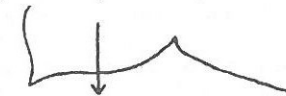
Движение обходное в Баден
Но французы пошли:

Потом французы стали как будто теснить на нас:

и все думали, что французы войдут в нашу долину.

пришла пора всем – без исключения – послужить России. Под службою я разумею реальное дело, а не “лекцию”. <...> Вот мне и кажется: в Россию мне надо ехать разве что – в лазарет, во фронт; и совсем не кажется мне важным возвращаться в Россию “*an und für sich*”³. <...>

А теперь, когда уже 7 ½ месяцев неустанно гремят пушки недалеко от нас, когда многие бросили *Vau* и разъехались, должна быть кучка людей, кто сейчас, переборов себя, остался бы на месте. Психология наша, русских при *Vau*, вовсе не психология равнодушия, а психология добровольно отсиживающихся в осаде и выносящих всю тяжесть осады, чтобы именно в дни и часы всеобщей брани “храм мира любви” созидался.

Vau (не говоря о внутреннем его смысле) в чисто архитектурном смысле будет единственным и первым в мире (если смогут его довести до конца), и задача нас, русских при *Vau*, в том, чтобы *Vau* был и русским тоже. Говорю, если смогут его довести до конца, т. е. если соберут денег для постройки, и если – не разбежимся мы, добровольцы: а соблазн разбежаться есть; в самом деле: сонная, спящая Швейцария, сонный, спящий Базель, нездоровая местность, туман, грязь, убогие деревушки, чисто физические трудности и физическая усталость от работы здесь, а пушки напоминают: всего за несколько километров – все иное: напряженная жизнь, шум и дело; мировая война за несколько километров, и сон – здесь. Соблазн великий!.. Но я сказал себе, что уеду отсюда – либо во фронт, либо на прямое дело, а пока буду выносить страду – “здесь”. Простите, что пишу это все, но я чувствую и знаю тот укор, который бросают нам теперь из России. И право: психологически хотелось бы ответить на него лишь тем, что от работы здесь, минуя города, поехать и умереть на полях сражения, если придет час умирать за Россию. Но часа нет еще!..»⁴

В январе–июне 1915 г. А. Белый пишет книгу «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», где снова и снова повторяет: «В событиях индивидуальных, интимных есть поступь эпохи; в событиях кружковых ее нет: есть ее искривление. События эпохальные крадутся по уединеннейшим, скрытнейшим индивидуальным сознаниям: то, что вынашивал базельский

экс-профессор, по имени Фридрих Ницше, что было голосом внутренней жизни какого-то Генриха Ибсена, чем болел Достоевский, что бросило молодого доцента Владимира Соловьева в Египет из Англии, то вскричало впоследствии тысячами рефератов и книг, пронеслось по душевному морю Европы; и – ныне обстало: событиями...»⁵

Именно такие личные, интимные переживания Белого, по ощущению его, и вызвали, и сломали хребет мировой войны. Так, в «Записках чудака» он, описывая свое переживание начала войны, связывает его прежде всего с событиями собственной духовной жизни:

«Разразилась война.

Мне казалось в первую осень войны: это я ее вызвал: во мне начиналась она; непримиримый сознательный бой с двойниками моими кипел уж с июня (война разразилась в августе)»⁶. Описание значительнейших событий духовной жизни дается пунктиром. Отточия разделяют фрагменты текста главки «Война»: «единство сознания распалось: я был – над собой, под собой; в точке прежнего “Я” – образовалась дыра.

Тут-то вот и разразилась война: загремели орудия из Эльзаса; гремели два года.....

Окошко уютного домика выходило в долину; весною глядели в него белокурые вишни; в проглядные полосы зорь проникали мохнатые кисти лиловых глициний; перед ненастьем отчетливо разрывались пары; островерхие гребни Эльзаса синели; оттуда болтала в заре говорливая пушка.

Так взрывы во мне стали взрывами мира; война расползлась из меня – вокруг меня»⁷.

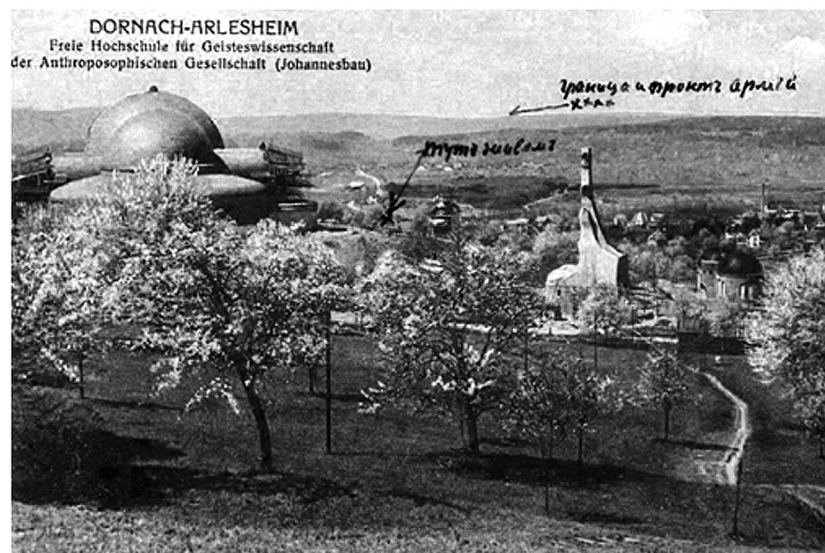
В то время он воспринимал все происходящее вокруг него как проявление вовне, в мире физическом, войны духовной и ощущал наличие своей личной вины в развязывании мировой войны. В письмах, публицистике и прозе Белого тема «Пушки Эльзаса» манифестирует динамический комплекс мотивов, в середине жизни перехваченный грохотом пушек мировой войны и расширяющийся в прошлое и будущее.

«Я хочу описать одно место. И – один момент времени. Это место мне стало родным; я к нему иногда обращаю свой взор; воспоминание строит мне образы; вижу явственно: образы, встающие здесь мне, из этого места, – значительней всех, восставших мне в жизни» – так начинаются «Воспоминания странного человека, Андрея Белого».

Момент, пережитый мной здесь, быть может, – значительнейший из моментов, когда-либо посланных человечеству; он – момент начала падения огромного периода времени, столетия оостеневавшего великолепными памятниками культуры: *объявление мировой, небывалой войны* (курсив наш. – О.Ш.)

Место, близкое мне, затерялось под Базелем между двумя швейцарскими деревеньками: Арлесгеймом и Базелем. Это место есть холм; он зелеными склонами мягко сбегает в долину; долина же тянется до границы Эльзаса, откуда – перед дождем, когда небо особенно ясно, проступят, синяя, далекие гребни Vogез; и – опять запахнут густеющим воздухом»⁸. А.В. Лавров, комментируя употребление наименования Базеля в качестве города и деревушки одновременно, в соответствующем примечании отмечает: «Так в автографе. Видимо, описка; подразумевается: Дорнахом». Однако в этой описке Белого можно разглядеть также и момент смещения, сдвига биографического материала в эстетическое (символическое). Так в более поздних текстах именно Базель будет связан с темой «пушек Эльзаса», а Дорнах останется обозначением места духовных событий и строительства Иоаннова здания. Например, в четвертой части «Кризиса культуры» Белый писал: «Я под Базелем сам себе рассказал свою жизнь, когда терны вонзались в чело здесь – в мучительном Дорнахе; громыхали орудия – там, из Эльзаса, оповещая весь мир о падении и разрушении зданий культуры»⁹.

Описание «значительнейшего момента, когда-либо посланного человечеству», завершается пейзажной зарисовкой, детали которой также будут воскрешать память о нем: «На зеленеющих склонах расселись старые, черепитчатые домишки; здесь и там проступают они красноватыми пятнами крыш из плодовых деревьев, разряжаясь и снова сближаясь; зимами, когда зелени нет, обнаруживаются здесь и там деревеньки: как на ладони, стоят они;

Вид на Гетенаум и котельную. Открытка с пометами Андрея Белого. На обороте письмо Белого матери. [1915]. РГАЛИ. Опубликовано: Андрей Белый. Линия жизни / Отв. ред. М.Л. Спивак; сост. И.Б. Делекторская, Е.В. Наседкина, М.Л. Спивак; художник Е.А. Поликашин; Комитет по культуре г. Москвы, ГМП; ГЛМ; РГАЛИ. М., 2010. 272 с. : ил., фот. С. 232

и точно бросаются к вам, приближаясь невероятно (и кажется: до этой старой, седеющей колоколенки протяните руку – наверное вы дотянетесь; а когда побежит в марте зелень волной от долины и быстро подыметесь вверх, одевая деревья, кустарники, травы и затопляя домишки, то все отдалится; и даже ближняя крыша, пока – <последующий текст утрачен: 10 листов автографа, за исключением фрагмента II>»¹⁰.

В финале «Кризисов культуры» эта тема прозвучит снова: «Здесь – в Базеле, в Дорнахе – я подолгу смотрю на оранжево-красную черепицу домов; и – меня окружают, как Ницше, кретины; здесь предан сожжению прах Моргенштерна. Отсюда я слушаю говоры пушек в Эльзасе; переживаю здесь гибель культуры; встречаю рождение новой; и – созерцаю два купола ясного здания»¹¹.

«Воспоминания странного человека, Андрея Белого», названные их публикатором, А.В. Лавровым, прототекстом для «За-

писок чудака», можно также назвать «прототекстом» и для темы «пушек Эльзаса». Квалифицируя этот текст как «своего рода текст-программу, текст-абрис, текст-предварительный конспект будущего масштабного произведения», А.В. Лавров, отмечает в нем признаки «форсированной орнаментальной стилистики», когда темы, лаконично обозначенные в прототексте, развертываются в пространственные повествования, восполняясь и обогащаясь дополнительными штрихами, деталями, описаниями, целыми эпизодами¹².

Тема «пушек Эльзаса» и их грохота скрепляет собой в единое целое цикл текстов, именуемых «Кризисами», эпистолярное наследие, автобиографическую, научную и художественную прозу. Так в прототексте проясняется связь темы двойничества, научного познания природы (наблюдения, описания, классификации), буржуазной действительности с темой кризиса культуры, когда «боги, демоны, души», закованные в оковы культуры, восстали «горластыми жерлами пушек из волн».

Например, во фрагменте II «Воспоминаний странного человека, Андрея Белого» возможно проследить логические связи, которые автор устанавливает между темами. В других текстах они уже предстанут самостоятельными, как бы примыкающими друг к другу. В этом смысле примечательна тема природы – двойника и ужаса ее явления, подобного встрече с призраком:

«Наблюдение такое природы возможно в период, когда вся она обернулась явлением: убежав из души, нам *предстала* (“явилась”), как призрак.

Наблюдение, описание, классификация убежавшей от нас части <,> явленной перед нами как п<рирода?> <,> наш жест: от вторжения бессмыслицы с аккуратно размеренной <?>, буржуазной <?> действительности.

Природа – двойник; встреча с ней для комнатного сознания есть ужас; от ужаса мы – закрываемся стенами: наблюдение, описание; классификация есть стена. Но за стеной ждет *двойник*.

Современные “опыты” часто – бои с двойниками; разнообразие опытов истерзало на части явление природы; отношение наше к нему – точно к телу врага, по которому мы бьем мечом; и итоги дробленья – кусочки действительности; мы их прячем в

темницы: музеев и спиртовых препаратов; номенклатура научных понятий – градация камер тюремного замка природы; боги, демоны, души, тая свои лики в вуалях стихий, истомились в гробах: в классификационных системах. Мы заключили стихии паровозных существ в паровозных и пароходных котлах: в динамите и порохе; не удивительно: боги, демоны, души разбили оковы; и – расползаются вокруг нас: страшным миром машин; демоны, от которых оторваны мы и с которыми мы столетия боролись, терзая их груди киркой, повосстали вокруг нас – не из пены морской (как бывало): горластыми жерлами пушек из волн»¹³.

Этот фрагмент во многом проясняет связь образов-тем четвертой части «Кризисов культуры»:

«В Базеле проживал Фридрих Ницше; он есть лезвие всей культуры; трагический кризис ее – в его жизненном кризисе. “Некогда с моим именем будет связываться воспоминание о чем-то огромном, – о кризисе, какого никогда не было на земле, о самой глубокой коллизии совести|... [“Ессе homo”¹⁴. Стр. 114.] – проговорила культура устами его; он взорвал сам себя; он взорвал в себе “немца”: “они для него невозможны” [Idem. Стр. 111.]; взорвал в себе “доброе”, “ибо добрые не могут создавать: они... начало конца” [Idem. Стр. 118.]; он взорвал человека в себе – в то мгновение культуры, когда достигала последняя необычайных размахов: “В тот совершенный день, когда все достигает зрелости и не одни только виноградные гроздья краснеют, упал луч солнца и на мою жизнь: я оглянулся назад, я посмотрел вперед, и никогда не видел я сразу столько хороших вещей” [Idem. Стр. 6.]

Первое посещение Базеля (помню его, как сейчас) *было мне* в сентябре – в совершенные дни, когда явственно проступили мне контуры великолепнейшего “Евангелия от Марка”, *звучащие в лекциях Штейнера*: “Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему”... *Этим гласом был Ницше*.

Помню я Базель в те дни: виноградные листья краснели; и бросило солнце на жизнь мою луч; я впоследствии сам рассказал себе *жизнь*, мои первые детские опыты сознания – в час, когда голос “Евангелия от Марка” гремел оглушительно над двадцатым

столетием: все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне (13:2). “Скажи нам, когда это будет?” (13:4).

“Когда же услышите о войнах и военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть; но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ и царство на царство... и будут глады и смятения... Предаст же брат брата на смерть и отец детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их... Когда же увидите мерзость запустения... тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; а кто на кровле, тот не сходи в дом... Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения... И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть... И когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко...” (13:7, 8, 12, 14, 15, 19, 20, 29).

Я под Базелем сам себе рассказал свою жизнь, когда терны вонзались в чело здесь – в мучительном Дорнахе; громыхали орудия – там, из Эльзаса, оповещая весь мир о падении и разрушении зданий культуры.

Мне послышался голос того, кто страдал здесь, как я: “Политика... растворится в духовной войне... Формы... старого общества будут взорваны... Будут войны, которых никогда еще не было на земле... Я динамит... Я знаю свой жребий” [“Ессе homo”. Стр. 114, 115.].

Рейн – бешеный в Базеле; здесь, опрокинувшись в струи, ткет ясное солнце златистые кольца, летящие, переливаясь и разбиваясь на струях, в окаменелые берега, населенные множеством нибелунгов, ведущих с богами упорные войны за рейнское золото; вся история капитализма, приведшая к ужасам мировой катастрофы и к гибели современной культуры, – оплотнение солнечных блесков, играющих на поверхности вод; возвращение золота Рейну и есть возвращение богатств, принадлежащих природным стихиям, – природным стихиям.

И Ницше, увидевши ценности в золоте, из которого отливали в Германии императоров и полководцев, отверг это золото; оплотневшие ценности, золото, он заклинал отдать водам, провидел он золото Солнца там именно, где для нас само солнце – тяжелый и косный металл.

Он пытался быть Зигфридом: есть легенда, что Вагнер, осознавая героя, зарисовал в нем черты экс-профессора Ницше, поднявшего над Европою на рубеже двух эпох страшный меч – меч духовной войны.

“Я хожу среди людей, как среди обломков будущего: того будущего, что вижу я” [*Фр. Ницше*: “Так говорил Заратустра”].

“Я благостный вестник, какого никогда не было, я знаю задачи такой высоты, для которых до сих пор недоставало понятий; впервые с меня опять существуют надежды” [*Фр. Ницше*: “Ессе homo”. Стр. 115.]]¹⁵.

Возвращение золота Рейну, возвращение богатств, принадлежащих природным стихиям, – природным стихиям – это развернутая протометафора темы «богов, демонов, душ», восставших «горластыми жерлами пушек из волн», – темы, впервые прозвучавшей в «Воспоминаниях странного человека, Андрея Белого».

«Оплотнение солнечных блесков» в золото Рейна, как и «оплотнение импульсов культуры» в музейные экспонаты, предметы изучения, наблюдения, классификации, по Белому, есть заточение их, катастрофа, приведшая к ужасам мировой катастрофы и к гибели современной культуры.

¹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с., ил. С. 48.

² Иоанново здание (Bau), или Гетенаум – антропософский храм в Дорнахе под Базелем, над постройкой которого А. Белый с женой Асей Тургеновой трудились в 1913–1916 гг. Проект был разработан Р. Штейнером. Строительство здания, символизировавшего идею полного слияния духа и материи, было завершено в 1921 г. «Храм» имел два купола, соответственно большего и меньшего размера, каждый из которых внутри был двойным в целях достижения лучшего акустического эффекта. По предсказаниям автора проекта, здание Гетенаума должно было простоять 300 лет, однако в ночь под 1923 год оно сгорело.

³ Самому по себе; безотносительно (*нем.*)

⁴ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 51–52.

⁵ *Белый А.* Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Общ. ред. В.М. Пискунова; сост., коммент. и послесл. И.Н. Лагутиной. М.: Республика, 2000. 719 с. С. 26.

⁶ *Записки чудака* // Белый А. Собр. соч.: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Общ. ред. и сост. В.М. Пискунов. М.: Республика, 1997. 543 с. С. 361.

⁷ Там же. С. 362.

⁸ Воспоминания странного человека, Андрея Белого // МИРЫ Андрея Белого / [Сост. К. Ичин и М. Спивак]. Белград: Филол. ф-т Белград. ун-та; Москва: Гос. музей А.С. Пушкина, Мемориальная квартира Андрея Белого, 2011 (Себојно :Grafičar). 888 с. С. I.

⁹ *Белый А.* Кризис культуры // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с. С. 262.

¹⁰ *Белый А.* Воспоминания странного человека, Андрея Белого.

¹¹ *Белый А.* Кризис культуры. С. 296.

¹² Воспоминания странного человека Андрея Белого / Предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова // МИРЫ Андрея Белого. С. 54.

¹³ Там же. С. II.

¹⁴ *Ницше Ф.* Автобиография (Ессе homo) / Пер. с нем. под ред. и с предисл. Ю.М. Антоновского. СПб.: Прометей Н.Н. Михайлова. 1911; *Он же.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского. 2-е изд., испр. СПб.: Тип. Альтшулера, 1903.

¹⁵ *Белый А.* Кризис культуры. С. 262–263.

Две войны в газетной публицистике Ф. Сологуба

Военная тема в публицистике Сологуба занимала значительное место и была тесно связана с размышлениями писателя о роли России в мире. Первый раз эта тема попала в газетные статьи Сологуба во время Дальневосточной войны с Японией 1904–1905 гг., в период его постоянного сотрудничества с газетой «Новости», но наиболее широкое освещение она получила в эпоху Первой мировой войны на колонках «Биржевых ведомостей» и журнала «Отечество». В настоящем докладе предпринята попытка кратко представить и сравнить два периода военной публицистики Сологуба, дать комплексный обзор его основных взглядов на два главных вооруженных конфликта с участием России в первые два десятилетия XX века.

Тема Русско-японской войны в творчестве Сологуба до сих пор не привлекала должного внимания исследователей, однако, не рассмотрев позицию писателя по отношению к важнейшим политическим и международным событиям его времени, практически невозможно в полной мере представить процесс его идейного самоопределения.

Обе войны особенно обострили у писателя Сологуба чувство истории. Являясь современником колоссальных исторических потрясений, он стремился постичь их смысл, найти в них глубинные закономерности исторического развития.

Дальневосточная война в восприятии Сологуба выступает как прелюдия для дальнейших взаимоотношений России, представляющей западный менталитет, и Японии, восточной державы: «Теперешняя война поучительна, помимо прочего, еще и потому, что мы наблюдаем в ней не только встречу и борьбу двух рас, двух